

Сергей Земцов.

Перевод с английского.

Canadian Poetry. 1920-1960. Edited By Brain Trehearne. 2010.

Edwin John Pratt

Выходи, Смерть!

Трагическая на свадьбе, комическая на кладбище,
Хочешь не хочешь, приходит и уходит,
Willy-nilly, nolens-volens, эпиталама, эпитафия.

Муза поэзии не соблазнит Смерть,
У Смерти логика клоуна.

Хотя, надо сказать, Смерть постоянна,
Несмотря на курс перемен в саду.
И ветер пыльцу переносит.
И зернышки мака стали цветами.

В те времена, когда-то, Смерть являлась в дорогом костюме.
И Тишина в глубокой скорби объявляла о Ее приходе.

Она снимала жар с виска, и закрывала веки,
При свете скорбных свечек в канделябрах,
И приглашала следовать за ней в мир иной.

Но грации Ее средневековой больше нет.
Закончилась однажды с городским пожаром,
И пальцами, листающими манускрипты на досуге,
И с мрамором, с мозаикой венецианской,
С молитвой Деве, стоя на коленях с букетом роз,
С молитвой “отче наш” Ее жрецов, в их горлах булькая,
Благославляющей скелета поступь, прах из праха.

И как-то ночью,
В сентябре, в деревне рыбаков,
Мы услышали Ее шаги.
Когда, в затишье шторма и порывов урагана,
Прорезалась прибой фуга.

Дубы свои братоубийственные ветви
Мгновенно расцепили.
И тополя застыли, слушая Ее шаги,
Моторов и машин неясный грохот,
Который вдруг совсем затих.

Затих настолько, что мы слышали,
Как кровь сочилась через сердца клапан,
И шельфа шорох перелился
В густую тишину дыхания циклона.

И то, что здесь сейчас произошло,
Как громовой раскат,
Превосходящий все пределы туч.

И наша человеческая речь
Искривлена была, отброшена назад
К истокам и костям, в Ямайки грот,
В изгнание Друидов, отброшена назад
К иероглифам, к стилю пришельца,
Написавшего Апокалипсис.

1943

(65)

Edwin John Pratt

Come Away, Death

Willy-nilly, he comes or goes, with the clown's logic,
Comic in epitaph, tragic in epithalamium,
And unsexed by any mused rhyme.
However blow the winds over the pollen,
Whatever the course of the garden variables,
He remains the constant,
Ever flowering from the poppy seeds.

There was a time he came in formal dress,
Announced by Silence tapping at the panels
In deep apology.
A touch of chivalry in his approach,
He offered sacramental wine,
And with acanthus leaf
And petals of the hyacinth
He took the fever from the temples
And closed the eyelids,
Then led the way to his cool longitudes
In the dignity of the candles.

His mediaeval grace is gone --
Gone with the flame of the capitals
And the leisured turn of the thumb
Leafing the manuscripts,
Gone with the marbles
And the Venetian mosaics,
With the bend of the knee
Before the rose-strewn feet of the Virgin.
The paternosters of his priests,
Committing clay to clay,
Have rattled in their throats
Under the gride of his traction tread.

One night we heard his footfall -- one September night --
In the outskirts of a village near the sea.
There was a moment when the storm
Delayed its fist, when the surf fell
Like velvet on the rocks -- a moment only;
The strangest lull we ever knew!
A sudden truce among the oaks
Released their fratricidal arms;

The poplars straightened to attention
As the winds stopped to listen
To the sound of a motor drone --
And then the drone was still.
We heard the tick-tock on the shelf,
And the leak of valves in our hearts.
A calm condensed and lidded
As at the core of a cyclone ended breathing.
This was the monologue of Silence
Grave and unequivocal.

What followed was a bolt
Outside the range and target of the thunder,
And human speech curved back upon itself
Through Druid runways and the Piltdown scarps,
Beyond the stammers of the Java caves,
To find its origins in hieroglyphs
On mouths and eyes and cheeks
Etched by a foreign stylus never used
On the outmoded page of the Apocalypse.

CANADIAN POETRY

1920 TO 1960

EDITED AND WITH AN AFTERWORD BY

BRIAN TREHEARNE